

14.06.91

SAVELY KRAMAROV — ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ

Захлебнувшись в потоке будничной информации, наша пресса обошла молчанием событие, если и не совсем историческое, то, во всяком случае, симптоматичное: Москву с неофициальным визитом посетил Савелий Крамаров. Перед вами — единственное интервью, взятое у актера за пять дней его пребывания на Родине. Пять дней — после десятилетней разлуки.

— И все же, Савелий Викторович, почему так затянулись с возвращением?

— Да, пожалуй, я отстал от основного потока волны эмигрантов года на два-три. Видно, мое время пришло именно сейчас. Свою роль сыграла осторожность. И потом я очень занятой человек, в Америке меня держат дела, контракты. Вот появилось «окно» — и я здесь. Приехал без конкретных целей, просто так, прежде всего пообщаться с друзьями.

— Вам известно, что в Союзе вас «похоронили»?

— До меня всякие слухи доходили. И этот, в том числе. Решили окончательно со мной разделиться. А поначалу сочиняли истории о моих связях с миллионерами. Или, наоборот, о полной нищете, про то, как «бездомный, ночью слоняюсь по улице темной...». Напутствия в газетах, вроде: «Скатертью — дорога!», в общем, тоже находили адресата. «Литературка» в рецензии на мой первый фильм написала: «Сегодня Крамаров торгует сосисками на экране, не удивимся, если завтра он будет торговать ими на улице...». Оказывается, страшно унижительное в Советском Союзе занятие.

Коллеги к моему отъезду отнеслись по-разному. Большинство, наверное, в душе сочувствовали, хотя вслух поддержать боялись — 82-й год на дворе стоял. Были и те, кто откровенно называл меня «предателем». Тогда, помню, я в какой-то степени мог их понять, но теперь для меня полнейшая загадка: в чем заключается предательство? В том, что человек выбирает место жительства по вкусу? За десятилетие нормальной жизни я многое понял и многое забыл.

— Как встретила вас Америка?

— Это фантастическая страна! Действительно, страна эмигрантов. Двести лет она их принимает и делает все возможное, чтобы люди не чувствовали себя обездоленными. Но, разумеется, я шел на риск. Меня не знала там ни одна душа. Американцы вообще слабо ориентируются в советском кинематографе, в современном советском искусстве. Я привез с собой ролики своих картин, а их все-таки было сорок две. Впрочем, там живут очень доверчивые люди. Скажи я журналистам, что у меня 100 картин — опубликовали бы, не задумываясь, без проверки. Лгут крайне редко. Достигнуто то состояние общества, когда вранье только мешает. Мне повезло — почти сразу меня пригласили в фильм «Москва на Гудзоне». Вокруг него поднялась большая шумиха, было множество лестных отзывов. «Таймс» и «Ньюсуик» назвали меня советским Джерри Луисом. Через два месяца снялся в «2010» в роли русского космонавта. Такой кристально патристический образ. И со мной заключили контракт.

Сейчас мне уже легко и просто. Снята проблема языка. Меня ценят в кинобизнесе. Даже на улицах узнают. Конечно, не так, как когда-то у нас...

— Что побудило вас уехать? Чего вам не хватало в Союзе при той огромной популярности, которой вы здесь пользовались?

— Моя личная жизнь — это моя личная жизнь. Американское правило. Извините.

— Однако признайтесь, кроме приобретений, этот шаг связан для вас и с определенными утратами?

— Я не скрываю, что потерял славу. Всенародную любовь. Я принес их в жертву иным сторонам жизни. За все приходится платить. Мой выбор сделан. В жизни выиграл, в славе проиграл.

— А в работе?

— Работа в моем понимании — тоже часть жизни. Вокруг нее остается еще большое пространство, и для меня немаловажно, чем оно заполнено. К тому же, под конец я очень мало снимался в Союзе, меня практически не приглашали. Зритель всегда жаждет комедий, а выпускалось их ничтожно мало. Не знаю, как сейчас...

— Сейчас, по-моему, вопрос вообще отпал.

— Ну вот, видите. Значит, я вовремя уехал.

— Создается впечатление, будто вы вписались в американскую культуру абсолютно безболезненно и именно этот тип кинематографа вам особенно близок...

— Вы имеете в виду — работать или смотреть?

— Работать.

— О, безусловно! К нам, «капиталистическим» актерам, относятся совершенно иначе. Несравнимы заработки, несравнимы условия работы. Я вам просто расскажу, чтобы вы поняли. Предположим, снимаем в павильоне. Каждому актеру предоставляется отдельная комната, метров 20—25, с ванной, душем, плитой, телевизором. Стоит тахта, я могу отдохнуть, меня никто не потревожит. Съемки на натуре — подгоняют длинные вагоны с тем же набором удобств. Сервис для актеров находится на высочайшем уровне. Можно так работать, я вас спрашиваю?..

— А почему вы уточнили мой вопрос? Или в качестве зрелища вы предпочитаете наши фильмы?

— Нет, просто советское кино я совсем не смотрю. Ну, простите, не нравится оно мне. Вроде сюжеты правдивые, а на экране опять фальшь. И все такое длинное, затяжное, нудное. Случайно довелось посмотреть «Интер...», «Интердевочка», так? Прямо изъезжаешься на месте! Ясно же, ясно, давайте дальше, шевелитесь! Актеры играют, как слоны. И я раньше играл, как слон. В Америке моя манера здорово изменилась. Первый же режиссер сразу начал делать мне замечания. Хотя он меня безумно любил. Повторял: «Савелий, мягче, мягче! Ты будешь еще интереснее». По-моему, я на голову «вырос».

В американском кинематографе мне необычайно импонирует умение соответствовать зрительским запросам. Там не выпендриваются, смотрят на вещи трезво.

— Савелий Крамаров «советского» периода и Савелий Крамаров нынешний — это уже совершенно различные люди!

— Не знаю, превратился ли я в стопроцентного американца, вообще не принимаю четких разграничений. Хотя я совсем другой, конечно. «Советским» быть перестал. В первую очередь, исчезло чувство страха. Я свободен. Я очень раскрепостился — и внешне, и внутренне. Этого мне всегда недоставало — и как актеру, и как человеку.

Но я потрясен тем, насколько вы здесь переменились! Смелые, открытые, свободные люди. Горбачев провернул великое дело — раскочкал систему. Разве мало? Все придет постепенно, все у вас получится. Доступ информации, возможность безбоязненно выражать свои мысли — это очень, очень важно.

— Вы появлялись на московских улицах! Какой эффект это произвело?

— Потрясающий! В центре, на Арбате, меня сопровождала толпа. Десятки людей просили автограф, спешили сказать мне несколько очень теплых, трогательных слов. Вы посчитаете меня хвастуном, но, по-моему, я ни на йоту не утратил своей популярности в Союзе. За пять дней я пережил здесь восхитительные мгновения. Ни о чем похожем в Америке не приходится даже мечтать.

— Чем, на ваш взгляд, вызвана столь устойчивая привязанность?

— В так называемые застойные годы народ требовал хлеба и зрелищ. Я выполнял функции зрелища. Смешное зрелище — многого стоит. У меня была маска — бесшабашного, веселого, правды, туповатого, но хорошего, «своего» парня. Зритель покупался именно на его «хорошесть». Между прочим, я и сам хороший. Корень у этого героя — мой.

— И, подобно ему, вы не прочь погулять и повеселиться?

— Очень даже. Я люблю жизнь. Помните, как обозначена цель человеческого существования в Екклесиасте? — «Веселиться и делать доброе людям».

— Библийская цитата не случайна?

— Я начал верить еще здесь, правда, в более чем сознательном возрасте. Интересуюсь религиозной литературой. Америка — верующая страна. На долларе написано: «Мы верим в Господа Бога». А деньги там — не мятые бумажки. Они — стержень, вокруг которого строится жизнь любого американца. Религия дает мне ключ к пониманию происходящего и руководство к действию. Верить легче, чем быть неверующим, как ни парадоксально это звучит.

— Мы немного отвлеклись от темы вашего актерского имиджа. Голливуд также эксплуатирует вас в каком-то заданном амплуа?

— К сожалению, это неизбежно. Собственно, я играю все тот же характер. Варьируются лишь внешние прие-

мы. Для ролей чистокровных американцев у меня чересчур заметный акцент. Как правило, мои персонажи — иммигранты, поселившиеся в США. Причем не только русские.

— Расскажите, чем заполнена ваша жизнь помимо работы?

— Обожаю путешествовать. Объездил весь мир, и не единожды. Спорт. Искусство — во всех его проявлениях. С наслаждением смотрю бродвейские спектакли. В Москву приехал с тайной мыслью — зайти в Третьяковку — не успел.

Вдобавок, у меня семья. Дочери три года. Жена — тоже «русская американка», она уехала раньше меня. Жена — музыкант, но сейчас не работает — и из-за маленькой девочки, и потому, что я один вполне могу обеспечить семью. Что касается профессиональной неустойчивости... Нет, она не переживает.

— Кстати, а из какой семьи вы сами?

— Мама была инженером-экономистом. Отец — адвокатом. Его забрали в 1934-м. Навсегда, разумеется.

Ну что, возраст?.. Не важно, сколько мне лет. Вот приеду сюда отмечать юбилей, ваши актеры это любят, тогда откроюсь. Мой возраст — то, как я выгляжу на экране. Знаете, один очень известный американский комедийный актер до конца жизни, а умер он восьмидесятилетним, зажигал на именинном пироге 36 свечей. И кремом было выведено: «36 эгэйн» — снова 36!

— Вы намерены привезти свою дочь на «землю предков»?

— Обязательно! Я ничего не забыл и не хочу забывать. Как ни крути, я прожил здесь счастливые годы — молодость, успех. Переменились моя психология, образ мышления, поведение, но человеческая сущность, сердцевина осталась прежней.

— С кем из бывших коллег вам удалось повидаться в Москве?

— С немногими. Ну, например, с теми, с кем вместе завоевывали популярность — с Вициным, Моргуновым.

— Есть ли надежда, что Савелий Крамаров вернется в советский кинематограф?

— Меня хочет снимать Гайдай. Сценарий я еще не читал, жаль выкраивать из каких-то пяти дней целых три часа. Знаю только, что съемки предполагается вести и здесь, и в Америке. Конечно, все очень непросто. Я живу на другом континенте. Вдумайтесь, что это такое. Но если роль понравится, буду работать с удовольствием. И для удовольствия. Для «фана» — для души. Ведь с советским кино союз по расчёту не удаётся — лишь по любви.

— Вас не охладило невнимание к вашему приезду со стороны печати?

— Боже упаси. Я находился в Москве очень недолгое время, меня было нелегко найти. Да многие скорее всего ни о чем и не знали. Я дал двадцатиминутное интервью каналу «Добрый вечер, Москва!», но, когда под вывеской «доброе» вечера рассказывают о грязных улицах и изнасилованиях, зритель вынужден переключаться на другую программу.

— С какими же чувствами вы улетаете домой?

— С самыми добрыми. Я все так же люблю своих зрителей и признателен им вдвойне. То внимание, которым я был окружен здесь многие годы, забываю! Это лучшее, что я испытал в жизни. Но ничего не поделаешь, — судьба...

Интересное сочетание — фаталист и «джентльмен удачи», кажется, добившийся от нее взаимности, — в одном лице. Из дальних странствий возвратиться, надо быть готовым к встрече не только радостной, но и настороженной. Во всем ли искренен Савелий Крамаров? Не лукавит ли — хоть чуть-чуть?..

Трудно разобраться в этом за считанные дни. Десять лет жизни не вместишь в интервью, данное поздно вечером, буквально «на чемоданах». Но свершилось главное — советский или американский — он вернулся. Глядишь, вскоре навестит нас снова. А там — и зачистит. Хорошо бы только Москве гостеприимней отнестись к любимцу не одного зрительского поколения. И, кто знает, возможно, мы еще поспорим с Голливудом — достойнее чьею кинематографом останется знакомая каждому — «крамаровская» — улыбка?

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.
Фото Ахмата Маликова.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО